

Железная рука в лайковой перчатке

Наш специальный корреспондент Юрий КОВАЛЕНКО беседует с Владимиром Спиваковым на ежегодном музыкальном фестивале в Кольмаре

— Ваш музыкальный фестиваль в эльзасском городке Кольмар проходит уже в тринадцатый раз. В этом году на нем доминирует венгерская нота. Почему вы решили посвятить нынешний фестиваль скрипачу Йожефу Сигети?

— Он был одним из тех выдающихся музыкантов, которые оказали исключительное влияние на исполнительское искусство XX века. Сигети напрямую общался с такими композиторами, как Стравинский, Прокофьев, Барток. Когда в 1969 году на конкурсе в Монреале я получил первую премию, он был членом жюри. Два дня спустя я пришел на его мастер-класс, который он давал в Монреальском университете. «Что вы здесь делаете, Владимир?» — удивился мастер. — Вы же только что выиграли конкурс. Зачем вам мастер-класс?». — «Я хочу с вами изучать Бартока», — ответил я. И действительно он мне показал или, если хотите, поведал очень много интересного.

— Вы совсем сроднились с Эльзасом. Местные виноделы с некоторым пор называют вино в вашу честь...

— В каком-то смысле сроднился. Ну а то вино все выпито. Правда, как я слышал, виноделы готовят новое.

— Французы привечают наши таланты не только вином...

— Именно выходя из России, которые умели завладеть умами, произвели большинство переворотов в искусстве начала XX века. Малевич и Кандинский перевернули представление о пространстве и форме. В музыке Стравинский «ударил по ушам» так, что до сих пор больно. Дягилевские Русские сезоны сводили с ума французов, которые не представляли себе, что может быть такая связь между действием, живописью и музыкой.

— Тем не менее Франция в последние годы потеряла два российских музыкальных фестиваля — в деревушке Гранж-ле-Меле после смерти Святослава Рихтера, а в нынешнем году по финансовым причинам не состоялся фестиваль Мстислава Ростроповича в Эвиане.

— В Кольмаре такое невозможно. В Эвиане был только один

спонсор, а у нас их много — около тридцати, включая российских. Я не бизнесмен, но, как говорят, нельзя держать все яйца в одной корзине. К тому же здесь наш фестиваль считают очень престижным.

— В Кольмар вы снова привезли Российский национальный оркестр, который возглавили два года назад. Вам удалось за это время добиться от него того, что вы хотели?

— В искусстве никогда не добишься того, к чему стремишься. Путь к совершенству, как известно, долог и труден, но мне кажется, что РНО поднялся на новую высоту.

— Для публики зачастую важнее не что играют, а кто играет. Возник культ имен музыкантов, а не композиторов...

— И это хорошо. Люди доверяют музыканту и понимают, что он стал звездой не просто так. Правда, большинство из них напоминает искусственные спутники, которые, входя в плотные слои музыкальной атмосферы, просто-напросто сгорают.

— Чем вам представляется российский музыкальный пейзаж — пустыней, оазисом, равниной?

— Во всяком случае не пустыней и не равниной. Надо разделять понятия: одно дело культура столичная, другое — остальная российская. С точки зрения искусства, Москва приближается к Лондону или Нью-Йорку. В провинции все спокойнее. К счастью, осталась невероятная тяга к духовности, которую не смогли убить ни Сталин, ни вся коммунистическая эпоха. В России есть и возможность, и желание творить. Остается надеяться, что материальные ресурсы появятся в обозримом будущем.

— Интересно, каким же образом?

— Нужно законодательство для подпитки культуры. Должен быть принят закон о меценатстве. Есть масса вещей, которые могут выводить денежные средства... У нас же все «великое» — великие траты в неизвестность, великие достижения. Толстой справедливо сказал, что очень легко любить все человеческое и очень трудно — одного человека.

— Чем вы объясняете уход Геннадия Рождественского с поста худру-



ка Большого? Он не справился с этой ношей?

— Рождественский — это такой выдающийся музыкант, который со всем может справиться. Для него в музыке нет никаких трудностей. Значит, что-то не сложилось.

— А если бы вам предложили возглавить Большой театр? Вы бы согласились?

— Нет, я и так многим руковожу. Все на свете возглавлять невозможно.

— Говорят, что вы управляете оркестрами железной рукой в лайковой перчатке...

— Это зависит от того, что мы исполняем. Иногда перчатку приходится снимать.

— Кто-то сравнил дирижера с пол-

ководцем, который ведет за собой солдат-музыкантов на штурм новых высот...

— Безусловно, но надо непременно выигрывать баталии.

— А кто из музыкальных полководцев вам ближе всего?

— Бах, Бетховен, Моцарт, Брамс, Шуберт, Чайковский, Рахманинов, Шостакович, Малер.

— Ваши концерты в Кольмаре проходят в церкви Сен-Матье, где перед дирижерским пюпитром — изваяние распятого Христа...

— Леонард Бернштейн говорил, что его религия — это музыка, и я думаю, что под этим подпишутся те исполнители, которые ей честно служат. У музыки и у религии одни корни, одни идеалы. Это воссозда-

ние духовности. К музыке подходит любая из заповедей Христа. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся»...

— Что для вас бесконечность?

— Она заключена в каком-то поразительном круговороте. Шостакович в своем дневнике написал пять слов: «Мудрость. Любовь. Работа. Смерть. Бессмертие». Это зашифрованное ощущение бесконечности. Человек не исчезает бесследно. «Нет, весь я не умру», — участь не только гениев, но и простых смертных.

— Из каких исполнителей вы составили бы свою команду мечты?

— Составить-то можно, но вместе они играть не смогут. К тому же трудно называть такую команду. Кого-то не включишь, обидится. Вообще-то я беру всех, но не знаю, возьмут ли все меня.

— Женщины играют в вашей жизни исключительную роль. Я, конечно, имею в виду ваше ближайшее окружение — мама, жена и три дочери...

— Разве можно женщину отделить от музыки? «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь — мелодия».

— Я попытался вспомнить женщин-композиторов, но кроме Губайдулиной и Пахмутовой никто в голову не пришел...

— Есть еще замечательный композитор Уствольская. Видимо, их главное предназначение — продолжение рода человеческого. У женщин нет времени и страсти на такие мелочи, как сочинительство.

— Если ли такая партия, в которую вы были бы готовы вступить?

— Не люблю я слово «партия» — сразу возникает перед глазами скопление людей, которые хотят что-то получить от других. Хотят прежде всего власти, которая человека страшно портит. Она дьявол-искуситель, которому я не поддаюсь.

— Ваш фонд по-прежнему привозит в Кольмар молодые таланты...

— Да, на этот раз приезжали дети из Армении.

— Мне недавно попался составленный Марселем Прустом вопросник, который он рассылал знаменитым людям. В отличие от его изощренной прозы вопросы весьма бесхитростные, но именно они, по мнению

писателя, способны раскрыть суть того или иного человека. Из тридцати прустовских вопросов я выбрал пять. «Что вам лучше всего удалось в жизни?»

— Отвечая на этот, казалось бы, простой вопрос, надо становиться судьей самому себе — и не во время размышлений в одиночестве, а публично. Это форма исповеди, на которую не каждый может решиться. В моем случае кое-что удалось, а большей частью — нет.

— В чем для вас высшее проявление счастья?

— Счастливее всего я чувствую себя на репетициях. Это момент познания, открытий, открытий. Человек устроен так, что он редко ощущает свое счастье. Обычно он осознает его только тогда, когда оно уходит.

— Главная черта вашего характера?

— Страстность. Увлеченность. Все, чем я занимаюсь, я делаю со страстью.

— Какое качество вы выше всего цените в мужчине?

— Щедрость.

— А в женщине?

— Доброту...

— Когда вы возвращаетесь в Москву?

— К открытию сезона — 5 — 6 сентября. Потом еду в Геную. Оттуда отправляюсь по просьбе испанской королевской семьи председательствовать на конкурсе скрипаха Пабло Сарасате в Памплоне. И, наконец, с 25 сентября по 5 октября пройдет мой первый фестиваль в Москве в Большом зале консерватории. Не исключено, что он станет и последним.

— Что за фестиваль?

— «Приглашает Владимир Спиваков». Программа из семи концертов, где я выступил и с РНО, и «Виртуозами Москвы», и сыграл сольный концерт. Все флаги в гости будут к нам. Приедет в Москву великая певица Джесси Норман.

— Когда французы праздновали 200-летие французской революции, она исполнила на парижской площади Согласия «Марсельезу». У нас она тоже собирается петь гимн?

— Нет. Только Ватнера и Малера.

Кольмар — Париж.